

«Опровержение главного управления по делам печати, присланное нам по поводу заметки о “Бесовском действии”, формально справедливо, но это опровержение не касается сущности и смысла заметки. / Очевидно, в экземпляре пьесы, присланном в цензурный комитет, были сделаны только те исключения, на которые ссылается главное управление, но тем не менее в пьесе были сделаны предварительно существенные изменения в соответствии с общими требованиями, которые обычно предъявляет цензура к русским театральным представлениям. В наших руках имеется экземпляр пьесы, предназначенный для печати, текст которого значительно отличается от текста, которым принуждены были пользоваться режиссёр и актёры. Укажем на следующие изменения, сделанные для театра: третий акт кончается пением “Христос Воскресе”, чего нет на сцене; на сцене также не произносит своих заключительных слов маска Турица (Грешная Дева); главное действующее лицо всё время остаётся за кулисами, несмотря на то, что, по замыслу автора, оно должно было бы быть на сцене на глазах зрителя; даже имя этого действующего лица ни разу не произносится в театре; рассказ Аратиры и Тимелиха о жизни Некогого Мужа сокращен до двух фраз; житие, которое рассказывает привратник, существенно изменено; разговор дьяволов в третьем акте о Воскресении, совершенно опущен, монолог Евстратия во втором акте сокращен; в прологе монолог Смерти изменен. Если к этим изменениям и сокращениям, которые сделаны автором в виду наших общих цензурных условий, прибавить сокращения, сделанные цензурой после представления ей экземпляра пьесы, а также принять во внимание, что на сцене отсутствовала вся бутафория, необходимая для выяснения фабулы пьесы, т.е. кресты, рясы, костюмы ангелов и т.д.: то легко себе представить, насколько была искажены на сцене пьеса Алексея Ремизова».